

Гу Цзиньюй чувствовала себя так, словно за одну ночь попала из рая в ад: шок, страх, печаль и обида, что она вот-вот потеряет родителей, переплелись в ее сердце, как сеть, сковавшая все ее существо.

«Мама назначит тебе время для встречи с семьей Гу ...» Яо Ши говорила еще много чего, но Гу Цзиньюй не слышала ни слова.

Яо Ши осторожно взяла ее за руку и велела ей, чтобы она немного отдохнула.

Эта ночь стала бессонной для Гу Цзиньюй, лежащей на роскошной и мягкой кровати.

За окном дул сильный ветер, шелестя листьями и ветками.

Гу Цзиньюй подняла одеяло и встала с кровати. Она подошла к двери и распахнула ее, так что свирепый ветер ударил ей в лицо, раздувая ее халат из зеленого шелка.

«Ой! Молодая Госпожа, почему вы вышли? Так ветрено! Осторожно, не простудитесь!»

Служанка, дежурившая ночью, бросилась вперед, чтобы помочь Гу Цзиньюй вернуться в комнату.

Последняя равнодушно ответила: «Я не могу заснуть и хотела бы прогуляться».

«Ах ... но уже так поздно ...» - сказала дежурная служанка. Но видя, что Гу Цзиньюй не собирается возвращаться в свою комнату, она проглотила все свои слова предостережения: «Тогда подождите, Молодая Госпожа. Эта служанка принесет вам плащ!»

«Хорошо», - Гу Цзиньюй кивнула головой.

Дежурная служанка нашла в шкафу мягкий плащ и надела его на Гу Цзиньюй.

Последняя посмотрела на плащ, который был на ней, и вдруг прошептала: «Возьми-ка дорогого скакуна и шубу в тысячу монет, пошли слугу ко мне за ними — и кружку полную налей*».

Дежурная служанка спросила в оцепенении: «Молодая Госпожа, что с вами? Почему вы вдруг читаете стихи? Хотите написать стихотворение?»

Эта дежурная служанка ничего не знала о поэзии, но ее первоначальная служанка, Юру, разбиралась в ней. Однако Юру уже была выгнана Гу Янем.

Гу Цзиньюй подняла угол своего плаща и прошептала: "Ты знаешь, что такое шуба в тысячу

монет? Это то, что сейчас на мне. Некоторые люди не смогут купить такую одежду, даже если не будут есть и пить в течение нескольких жизней».

Дежурная служанка все поняла и сказала с улыбкой: «Это естественно, ведь Молодая Госпожа - дочь маркиза! Молодую Госпожу нельзя сравнивать с теми простолюдинами на улице!»

«Как тебя зовут?» - спросила Гу Цзиньюй.

«Эту служанку зовут Сяо Ли», - ответила дежурная служанка.

После того, как Юру выгнали, служанки вокруг Гу Цзиньюй были заменены маркизом Гу, теперь все, кто окружал ее были новыми служанками, лиц которых она не узнавала.

«Ты из соседней деревни?» - снова спросила Гу Цзиньюй.

«Да!» Дежурная служанка ответила с широко открытыми яркими глазами.

Гу Цзиньюй оглядела ее с ног до головы: «Ты выглядишь моложе меня, как твоя семья позволила тебе работать на кого-то в качестве служанки?»

Дежурная служанка улыбнулась: «Молодая Госпожа, наверное, шутит. Работа служанкой в горном поместье - это прекрасная работа, о которой многие люди в нашей деревне даже не могут мечтать! В семье этой служанки четыре сестры, и только у этой служанки самая лучшая работа!»

Гу Цзиньюй была ошеломлена ее ответом: «Четыре сестры ... и все должны работать? В твоей семье нет брата?»

Дежурная служанка кивнула: «У этой служанки есть старший брат и младший брат. Мой старший брат собирается жениться, и мы работаем, чтобы заработать на его свадебные подарки. Младший брат тоже женится в будущем, и его долю тоже нужно заработать. Однако, если мы сестры все бы удачно вышли замуж, то полученных нами свадебных подарков хватило бы им на свадьбу».

В ее тоне не было и следа жалобы, как будто она была рождена, чтобы жить для своих братьев.

Гу Цзиньюй почувствовала, что ее мировоззрение перевернулось с ног на голову.

Она с детства воспитывалась в поместье маркиза, имея трех старших братьев и одного младшего. Хотя ее младший брат был капризным и очень часто задирали ее, однако никогда не притеснял и не использовал ее. Три ее старших брата были молодыми и перспективными, и даже если они недолюбливали новую семью маркиза, им никогда не приходило в голову

пожертвовать своей сводной сестрой, чтобы проложить для себя дорогу.

Гу Цзиньюй слушала, как дежурная служанка рассказывает о своей семье, и все больше убеждалась, что маркиз Гу и Яо Ши - лучшие родители в мире.

Она не могла расстаться с такими хорошими родителями и не могла расстаться со всем, что было в поместье маркиза.

На следующий день маркиз Гу и Яо Ши пришли навестить Гу Цзиньюй, и ее глаза были опухшими, как два грецких ореха.

Дежурная служанка объяснила: «Молодая Госпожа проплакала всю ночь ...»

«Можешь уйти», - сказала ей Яо Ши.

«Да». Дежурная служанка в страхе отступила. Она так боялась, что плохо обслужила Молодую Госпожу и чем-то расстроила ее. Она так не хотела, чтобы ее выгнали из горного поместья.

Маркиз Гу и Яо Ши подошли к кровати. Маркиз Гу встал сбоку, а Яо Ши присела на край кровати.

«Мама ...» Гу Цзиньюй бросилась в объятия матери, и крупные слезы закапали на грудь Яо Ши. «Не бросай эту дочь ... эта дочь не может оставить тебя ... не может оставить отца ... эта дочь не хочет оставлять вас ...»

Видя, что Гу Цзиньюй так плачет, это просто выбило из колеи сердце маркиза Гу.

Он сердечно сказал: «Глупый ребенок, когда это отец и мать говорили, что бросят тебя? Мы с твоей мамой уже обсудили этот вопрос, и решение за тобой, если ты хочешь вернуться ...»

Гу Цзиньюй заплакала и перебила его: «Эта дочь не хочет возвращаться, эта дочь хочет до конца жизни почитать мать и отца!»

Бедный ребенок станет сиротой, если вернется в семью Гу, Яо Ши на самом деле не могла смириться с этой мыслью, особенно после того, как узнала, что Гу Саньфан и его жена так любили Цзяо Цзяо, она не могла относиться к Цзиньюй хуже.

Она погладила ее по щеке и сказала: «Только, даже если ты не хочешь возвращаться в семью Гу, ты все равно должна пойти и возжечь благовония своим настоящим родителям».

«Да!» - со слезами на глазах согласилась Гу Цзиньюй.

Яо Ши кивнула с облегчением, затем встала, чтобы вместе с маркизом Гу навестить Гу Яня, как вдруг Гу Цзиньюй схватила ее за рукав и задыхаясь сказала: «Это моя вина, что я пользовалась личностью сестры в течение стольких лет и украла у нее лучших в мире маму и папу. Когда моя сестра вернется, я определенно буду относиться с нежностью к сестре, которую все эти годы родители дарили мне ... теперь мы вместе подарим ей нашу любовь!»

Яо Ши погладила ее по голове.

Затем супруги отправились к Гу Яню.

Гу Янь не спал всю ночь, был сильно возбужден и крутился, как юла, всю ночь. Юй Яэр была почти до смерти измучена им!

Этот ранее молчаливый и равнодушный Молодой Господин сейчас выглядел таким милым!

Гу Янь так ликовал, что забыл поприветствовать своего отца.

Гу Янь сказал: «Я ей нравлюсь!»

Яо Ши с любовью посмотрела на сына: «Мама знает это».

Гу Янь добавил: «Мне она тоже нравится!»

Яо Ши улыбнулась и кивнула: «Да».

Гу Янь сел прямо и сказал: «Я собираюсь повидать ее!»

Яо Ши взяла сына за руку и мягко проговорила: «Сначала дай ей немного времени, чтобы переварить это».

Гу Янь сдержал десять тысяч маленьких муравьев в своем сердце: «Ну, хорошо».

.....

Деревня Цинцюань.

Гу Цзяо не стала скрывать от семьи о своем рождении, и даже Сюэ Нинсян присутствовала.

Так как Гу Цзяо была ранена и еще болела, а старушка действительно не могла есть стряпню Сяо Люланя, то последняя позвала Сюэ Нинсян помочь им с готовкой.

После того, как она закончила готовить, старушка пригласила ее и Гоу Даня поесть всем вместе.

За обеденным столом старушка спросила о Яо Ши и маркизе Гу, и Гу Цзяо легко объяснила, кто они такие и о том, как по ошибке перепутали детей.

Все люди в комнате, кроме Гоу Даня, поняли, что Гу Цзяо на самом деле Гу Цзиньюй, а Гу Цзиньюй – это Гу Цзяо, и что их личности поменялись местами.

Но тон Гу Цзяо был настолько спокойным, что те, кто не знал ее хорошо, подумали бы, что она просто говорит что-то вроде того, что сегодня на ужин будет есть капуста.

У Сюэ Нинсян от шока отвисла челюсть. Соседка, которая жила рядом с ней столько лет, на самом деле была дочерью маркиза? Я сейчас ем вместе с дочерью маркиза?!

Сюэ Нинсян чувствовала, что не может даже удержать палочки для еды в своей руке.

Она посмотрела на старушку, Сяо Люланя и маленького Цзин Куна, и обнаружила, что выражения их лиц все это время были спокойными, за исключением первого удивления, когда они слышали, что Гу Цзяо в младенчестве по ошибке перепутали.

Сюэ Нинсян: Не кажется ли вам, ребята, что теперь статус девушки Цзяо стал очень впечатляющим? Ее отец - маркиз!

Старушка: Я однажды побила самого могущественного человека во всем государстве Чжао, простой маркиз – это ничто!

Сяо Люлань: Маркиз второго ранга, с титулом, но без реальной власти.

Маленький Цзин Кун: Большой злой человек, который может издеваться только над женщинами и детьми, насколько великим он может быть? Хмф!

Сюэ Нинсян ошарашенно посмотрела через стол на невозмутимо спокойных соседей: «...»

Кажется, она обнаружила что-то удивительное?

После еды Сюэ Нинсян сказала Гу Цзяо вернуться в комнату и прилечь, пока она приведет кухню в порядок.

Гу Цзяо действительно была еще немного слаба, поэтому она не стала притворяться, поблагодарила ее и вернулась в свою комнату, чтобы отдохнуть.

Сюэ Нинсян пошла мыть посуду, маленький Цзин Кун отправился выгуливать цыплят, а Сяо Люлань сварил лекарство, которое он купил в медицинском зале Тунфу, и понес его Гу Цзяо.

Примечание:

* - строчки из стихотворения Ли Бо «Поднося вино» (736 г)

Перевод стихотворения Торопцев С.А. «Выпьем»:

Вы видели, как Желтая река с Небес стекала

И безвозвратно исчезала в море?

Вы видели в больших дворцах власы в зеркалах? —

С утра черны, а к ночи в снег их превращало горе.

Бери от жизни все, что радостно и мило,

Да не скудеет тот бокал, что обращен к луне!

Растрачу все, чем Небо одарило.

Что тысяча монет! — Опять придут ко мне.

Бычка прирежем, запечем барашка,

Три сотни — разом! — опрокинем чаши.

Ах, мудрый Цэнь, ученый брат Даньцю,

Давайте выпьем-ка и вновь осушим!

Ко мне склоните ваши уши,

И я вам песенку спою.

Что нам дворцы, где яств полны столы?!

Пусть трезвость к нам, хмельным, и не придет.

Мудрец всегда мирские отвергал дары,

Стяжает славу только тот, кто пьет!

Как Цао Чжи в пирах Беседки умиленья

С вином за десять тысяч — это наслаждение!

Ты думаешь, трактирщик, денег нет?

Друзей я не оставляю без вина.

Возьми-ка дорогого скакуна

И шубу в тысячу монет,

Пошли слугу ко мне за ними — и налей полней,

Чтоб скорбь тысячелетнюю избыть в душе моей.

(прим.пер.: Вы видели, как Желтая река с Небес стекала // И безвозвратно исчезала в море? — Звездная река (Млечный путь) стекает на Землю и в русле Хуанхэ вливается в Восточное море.

Цэнь Юнь — давний друг Ли Бо. Даньцю (Юань Даньцю) — даос-отшельник, близкий друг Ли Бо.

Цао Чжи (192-232) — древний император и известный поэт.

Перевод стихотворения Ахматова А.А. «Поднося вино»:

Неужто вы не видите, друзья,

Как воды знаменитой Хуанхэ,

С небесной низвергаясь высоты,

Стремятся бурно в море,

Чтоб не вернуться больше?

Неужто вы не видите, друзья,

Как в царственных покоях зеркала

Скорбят о волосах, – они вчера

Чернее шелка были,

А ныне стали снегом?

Достигнув в жизни счастья,

Испей его до дна,

Пусть полон будет кубок

Под молодой луной.

Мне небом дар отпущен,

Чтоб расточать его.

Истраченным богатством

Я овладею вновь.

Быка зажарим, други,

Но для веселья нам

Сейчас же надо выпить

Заздравных триста чаш.

Учитель Цэнь

И ты, Даньцю,

Коль поднесут вино,

То пейте до конца,

А я вам песнь спою,

Ко мне склоните ухо:

Изысканные яства

Не следует ценить,

Хочу быть вечно пьяным,

А трезвым – не хочу.

Так повелось издревле –

Безмолвны мудрецы,

Лишь пьяницы стремятся

Прославиться в веках.

Князь Цао Чжи когда-то

Устроил пир в Пинлэ,

И десять тысяч доу

Там выпили шутя.

Напрасно наш хозяин

Сказал, что денег нет,

Вина еще мы купим,

Чтобы друзьям налить.

Вот быстрый конь,

Вот новый плащ, -

Пошлем слугу-мальчишку,

Пусть обменяет их,

И вновь, друзья, забудем

Мы о своих скорбях.

(прим. Хуанхэ – Желтая река).

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/2026439>